
ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВ И ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Л. Б. АЛАЕВ

ЧЕМ БЫЛА «РУССКАЯ ОБЩИНА» И ЧТО ТАКОЕ «РУССКАЯ ОБЩИННОСТЬ»

Русская крестьянская община долгое время служила и до сих пор время от времени служит аргументом в пользу мнения об особой «общинности» русского народа. Исторические данные говорят о том, что эта «общинность» возникла не ранее XVII в. и была связана с возростающей нехваткой земли, а также установлением крепостничества и усилением феодальной и государственной эксплуатации сельского населения. Это фактически признано специалистами, однако остается неизвестным широкой (в том числе интеллигентной) общественности.

Ключевые слова: община, уравнительные переделы, долевое землевладение, К. Маркс, Г. Л. Маурер, Б. Н. Чичерин, Н. П. Павлов-Сильванский, А. А. Кауфман, А. Я. Ефименко, А. И. Неусыхин.

Когда барон Август фон Гакстгаузен (1792–1866) в 40-х гг. XIX в. «открыл» русскую общину¹, его мысли были подхвачены прежде всего националистически настроенными историками-славянофилами, а затем – народниками. Славянофилы нашли наконец в сочинении немецкого барона ту элементарную клеточку, в которой содержался «дух народа» (Volksggeist), именно русского народа, а народники в той же общине увидели зародыш будущего совершенно специфического российского социализма. То, что община существовала и у других народов Европы, славянофилов

¹ Сочинение Августа Гакстгаузена о путешествии по России, изданное в Германии в 1847 г., вышло позднее в русском переводе (см.: Исследования... 1870).

и народников не смущало; ведь передельная община с душевым наделением земель во второй половине XIX в. была известна только в России, и было весьма легко считать, что, хотя «общинный дух» не был совершенно неведом другим народам, наибольшее развитие он получил и наиболее крепкие корни пустил именно в России.

Громом среди ясного неба прозвучали работы Б. Н. Чичерина (1828–1904), в которых он на основании исторических источников доказывал позднее появление передельной общины. Он утверждал, что первоначальная «вольная община» исчезла в IX–XI вв., а затем, без связи с ней, в XIII–XIV в. новая «поземельная» община была создана вотчинниками в интересах упорядочения наложения тягла на крестьян. Наконец, в XVI–XVII вв. община была закреплена государством как фискальный орган, обеспечивавший сбор государственных повинностей (Чичерин 1856; 1858: 10, 11, 14, 27, 57).

Но проблема общины никогда не была на Руси чисто академическим вопросом. Любая его трактовка связывалась с вопросом о роли государства в российской истории и о собственности на землю (крестьянской или помещичьей). Поэтому выводы Б. Н. Чичерина, его последователей К. Д. Кавелина (1818–1885) и Н. Н. Милюкова (1859–1943) (Милюков 1900: 139, 204–206, 224–225) не могли быть приняты «прогрессивной» российской общественностью. Эти авторы были названы «государственной школой», будто бы обеляющей самодержавие, а их выводы ставились под сомнение под разными предлогами. Господствовало убеждение, что любая община унаследована от первобытности. «Западники» тоже не принимали выводов «государственной школы», ссылаясь при этом на материалы других стран, где община в какой-то период существовала и являлась, таким образом, универсальным институтом. К общему вопросу об общине как институте мы вернемся позже, когда рассмотрим материалы по Германии, на которых долгое время базировалась «общинная теория». А пока останемся в пределах России.

Происходило накопление этнографических и исторических фактов. Особенное значение имели работы А. Кауфмана (1864–

1919) о появлении общины среди русских поселенцев в Сибири и А. Я. Ефименко о деревнях Северной Руси. Эти тогдашние окраины России дали уникальный материал, с одной стороны, о самопроизвольном возникновении передельной общины из захватного землевладения, а с другой – о специфическом (долевом) способе общинного землевладения и переходе к другим, уравнивательным, переделам под влиянием правительственных распоряжений. Эти материалы как бы проиллюстрировали два фактора, внутренний и внешний, вызывавшие возникновение душевых переделов земли в Средние века в центральных районах России.

Следует подчеркнуть, что А. Кауфман исходил из материалистического взгляда на проблему: «Правовые, в частности обычное-правовые отношения являются лишь надстройкой, – писал он, – воздвигающейся на фундаменте чисто производственных отношений» (Кауфман 1907, кн. 10: 19). Применительно к общине он делал из этого вывод, что не община (организация) создает ту или иную форму землевладения, а наоборот, условия хозяйствования диктуют формы землевладения, а отсюда и форму общины. **«Не орган, община, создает функцию – общинно-уравнивательные порядки; наоборот, функция создает для себя соответствующий орган»** (Там же: 27).

Развитие сельской общины по Кауфману проходит следующие этапы (ранние формы, связанные с кочевым хозяйством², я оставляю в стороне).

1) Захватное землевладение. Развитие по линии: индивидуальная заимка – деревня – село. Источником права на землю является чистый захват³.

2) Ограниченный захват, то есть введение «обществом» сроков, в течение которых захваченная земля считается частной, если она

² В то время считалось, что кочевое скотоводство – более древняя форма хозяйствования, чем оседлое земледелие.

³ Эта формулировка появилась в увлечении полемикой. Сам Кауфман ее не подтверждает. Он признает, что в Сибири для апроприации «гладких земель», подъем которых легок, «захвата» недостаточно. Требуется еще их фактическое использование. В противном случае они считаются ничейными. «Чистый» же захват признается источником права, только если он сам связан с затратой труда (опахивание, демаркация, лесные завалы и т. п.).

не обработана. В этом проявляется начало формирования общинного права. Дальнейшее его развитие выражается в появлении «отводов», то есть участков, формально выделенных миром в пользование семьям. Сначала отводы лишь санкционируют фактический захват. Затем, с уменьшением пустующих ничейных земель, отводы начинают сопровождаться частичными поравнениями, то есть передачей ряда хозяйственно неиспользуемых участков от многоземельных малоземельным крестьянам. «Эти частные поравнения действуют как струг – они срезают слишком грубые неровности» (Кауфман 1907, кн. 11: 82).

3) Общее поравнение или передел. В качестве промежуточной стадии встречается частичный передел, то есть перераспределение наиболее ценной части пахотной земли при оставлении остальной земли в фактически захватном землевладении. Впрочем, иногда в частный передел пускали в первую очередь какой-либо малоценный участок. Форма передела (подушевой, то есть по количеству мужчин в семье) определялась формой налогообложения (подушная подать).

Не всегда развитие шло в этом направлении. Иногда «земельное утеснение» вело не к возрождению общины, а к закреплению подворного землевладения. Почему примерно в одинаковых условиях развитие шло по двум столь разным путям, Кауфман не знает. Отметим, что этот вопрос остается нерешенным и в масштабе человечества. В сходных социально-экономических условиях у одних народов развивается общинное землевладение, а у других – частное крестьянское.

Придавая главное значение «земельному утеснению», А. Кауфман не отвергает влияния и других причин, в частности налогообложения. Он решительно возражает против идеи о введении передела сверху, хотя указ об этом действительно был издан в 1884 г. Ему удается, по-видимому, правильно вскрыть гносеологические истоки воззрений «государственной школы» относительно централизованного создания русской общины. Он пишет, что если будущий историк станет судить об истории сибирской общины только по документам, он неизбежно на основании купчих придет к выводу о господстве частной собственности до конца XIX в. и о введе-

нии переделов указом 1884 г. Между тем фактическая история общины как в Сибири, так, видимо, и в центральных районах России была гораздо сложнее.

Одно из возражений против концепции Кауфмана, именно против сближения этапов развития общины в Сибири и в центральной России, может заключаться в соображении, что русские переселенцы, проникнутые общинной психологией, принесли общину с собой «в голове», и именно поэтому она возродилась, когда в ней возникла нужда. Однако это возражение Кауфман предвидит. Он отмечает, что процесс возрастания роли общины и распространения переделов шел одинаково как в русских деревнях, так и в украинских, хотя на Украине в XVIII – первой половине XIX в. еще не было передельной общины. «И сейчас переселенцы из Европейской России – безразлично притом общинники-великороссы или подворники-малороссы, – и не думают переделывать землю, раз они располагают в избытке необходимыми угодьями, ... и наоборот, – при наличии утеснения ... переселенцы, опять-таки безразлично, великороссы или малороссы, устанавливают у себя душевое пользование угодьями» (Кауфман 1907: кн. 11: 87)⁴.

На это замечание стоит обратить внимание тем, кто верит в «природный коллективизм» русского крестьянства. Великорусские крестьяне, попав в Сибирь, вовсе не держались за общинные обычаи. Имея возможность захватить много земли, они с удовольствием отбрасывали пресловутую «общинность», и лишь потом, когда их и здесь настигало малоземелье, «вспоминали» о ней.

Другая окраина России – Архангельская, Вологодская и прочие северные губернии – дала материал по иной форме общины, исследование которой пролило свет не столько на развитие центрально-русских областей, сколько на ряд факторов из истории общины в других странах. В XVI–XVII вв. там господствовали «долевые», или «складнические» деревни⁵. Исходной точкой для их развития

⁴ Концепция возникновения общины А. А. Кауфмана изложена также в монографии 1908 г., которая недавно была переиздана (см.: Кауфман 2011)

⁵ Их иногда различают потому, что одни будто бы возникли путем разделения большой патриархальной семьи, а вторые – путем сселения нескольких неродственных семей. Но «предыстория» общины не всегда достоверно известна, а по существу обе ситуации вызвали к жизни один и тот же тип переделов.

служило отдельное хозяйство (однородная деревня). Путем естественного размножения семьи оно превращалось в деревню из двух, трех и более хозяйств, владевших всеми угодьями совместно или же делившими их между собой по наследственным долям. Сыновья патриарха имели равные доли. Их сыновья делили между собой уже только доли соответствующих отцов. Доля одновременно была частью общего владения (так как многие угодья – лес, озера, реки – оставались неразделенными, и доля в них существовала лишь идеально, однако достаточно реально) и индивидуальной собственностью, ибо могла продаваться. Из-за неравного количества мужских потомков в семьях, а также благодаря переходу долей или их частей из рук в руки путем продажи эти доли уже в XVIII в. были резко неравными, сильно запутанными, состоявшими из разбросанных мелких участков. Это серьезно мешало развитию хозяйства.

В этот период в центральных районах уже получил широкое распространение подушевой передел земли. Нет ничего удивительного, что крестьяне Севера увидели в этом переделе определенный выход из создавшейся запутанности прав. В 1795 г., во время пятой ревизии, некоторые крестьяне обратились к вологодскому директору казенных земель с просьбой наделить их землей по душам. Передел распространялся медленно, так как против него выступали те, кто имел крупные доли. Сначала шли в передел только земли, давно поднятые коллективными усилиями. Другие земли, поднятые и расчищенные индивидуально, переходили в руки волости и включались в передел, только если были запущены (пашня – в течение трех лет, сенокос – десяти лет).

В 1812 г., при шестой ревизии, было издано постановление о переделе всех земель, однако о фактически массовом переходе к переделу в северных губерниях можно говорить лишь после 1815 г.

Открыла эволюцию долевых деревень на Севере А. Я. Ефименко⁶. Весьма характерно, что в ходе исследования она вынуждена

⁶ До нее этой проблемой занимался А. Н. Соколовский (1877). Однако он не смог преодолеть изначальную народническую установку на исконность общинных порядков и потому не сумел вскрыть специфику северной общины.

была радикально пересмотреть свои взгляды на проблему общины на Руси в целом. «Принадлежа к самым крайним поклонникам народа и его общины, – пишет А. Я. Ефименко в предисловии к книге, – я не убоялась на два года всецело погрузиться в изучение архивных документов, чтоб почерпнуть себе желаемое знание у самых его источников... Через два года я вынырнула – но, увы, читатель, вынырнула с полнейшим убеждением, что наша поземельная община вовсе не исконная форма нашего землевладения, как я до сих пор была глубоко и всецело убеждена: она есть продукт более позднего времени, с одной стороны – заключительное звено длинного исторического процесса, с другой – плод внешнего воздействия» (Ефименко 1884: XIV–XV).

Интересен призыв Ефименко изучать историю общины не на основе единого шаблона, прикладываемого к разным народам в разное время, а конкретно, на основе источников. Не смея подвергать сомнению «немецко-мауреровскую теорию» происхождения германской общины из апроприации земли родом, Ефименко отмечает: «Но ведь нельзя опускать из виду одно маленькое словечко – “когда”». Условия XI–XIII вв. серьезно отличались от I в. н. э. «Финский Север завоевывался вольными дружинами, а колонизовался семейными союзами, соответствующими сербской задруге, а уж никак не германскому роду» (Там же: 207).

В этой связи она делает замечание, которое надо выбить на бронзовой доске и вешать перед каждым российским гуманитарием: «Давно уже про нас, русских, говорится, что мы ничего не можем знать, что немцем не написано в книжке. И я, признаться, усатанавливая свои положения, не мало смущалась, что не могу, подобно моим оппонентам, сослаться ни на какого немца» (Ефименко 1884: XI)⁷. Как видим, нам придется заняться также и «немецко-мауреровской теорией». Без германской общины нам в русской общине не разобраться.

⁷ Этот крик души А. Я. Ефименко был вызван не только «общинными» проблемами. В течение практически всего XIX в. российские интеллектуалы находились под сильным влиянием немецких мыслителей (Л. Фейербаха, Г. В. Ф. Гегеля, Л. Бюхнера, а также К. Маркса и др.).

Таким образом, между родом и долевой деревней, по Ефименко, лежит важный этап – хозяйство и собственность большой патриархальной семьи. Между семьями в пределах волости была некоторая связь, но не поземельная. Долевое землевладение Ефименко считала следующим, неперенным этапом развития сельской общины, предшествующим душевым переделам. Это вряд ли правильно. Долевое землевладение зафиксировано в ряде стран, но в каждом случае его удается объяснить спецификой ситуации. Существовало ли долевое землевладение в центральных районах России в раннее Средневековье, до сих пор не установлено⁸.

После работ Ефименко и Кауфмана многие историки вернулись к проблеме общины в центральных районах и смогли показать ее развитие более подробно, чем Чичерин, и без его «государственных» теорий. Уже для М. М. Ковалевского в 1879 г. было ясно, что передельная община возникает значительно позднее создания сельской соседской общины. В лекциях в Стокгольме в 1890 г. он выразил эту мысль совершенно отчетливо: «Сельская община, основанная на периодическом переделе земли, вовсе не является, как это принято было думать, самой архаической формой землевладения, а представляет собой, напротив того, форму сравнительно позднего происхождения» (Ковалевский 1939: 149). Без сомнения, опирался Ковалевский на русский материал.

Наиболее четко историю общины в России изложил Н. П. Павлов-Сильванский (1969–1908). В своей работе, изданной посмертно (Павлов-Сильванский 1910; второе издание: Павлов-Сильванский 1988), он пришел к следующим выводам.

Сходство общины XIX в. со средневековой заключается лишь в мирском самоуправлении⁹ и совместном владении некоторыми угодьями. Переделы же земли возникли довольно поздно в резуль-

⁸ За исключением «четвертного землевладения», развившегося также очень поздно из вотчинных владений однодворцев.

⁹ Даже это допущение Павлова-Сильванского недавно было опровергнуто. В. А. Кучкин доказал, что «сотские» и «тысяцкие», которые считались общинными старостами и потому служили доказательствами существования общины в Средние века, на самом деле появляются только в конце X в. с развитием княжеского хозяйства. Они назначались князем и обеспечивали функционирование его хозяйства (Горский и др. 2008).

тате ряда причин, одна из которых – земельное утеснение (как в Сибири), а другая – влияние возрастающей феодальной эксплуатации. «Значительная часть деревень, описанных в наших писцовых книгах XV–XVI вв., состояла из одного двора» (Павлов-Сильванский 1910: 73). Первые поселенцы шли группами, союзами, «родами» или «ватагами». Это было необходимо для защиты от местного населения и от нападений других «ватаг». От этих союзов ведет начало власть коллектива на территории будущей общины-волости. Но селились семьи отдельно.

«Эта высшая территориальная власть союза, общины или мира, лежащая над правом собственности, с течением времени все усиливается. Сначала она ничем не стесняет частных собственников в их наследственных правах и в их новых заимках по праву вольного захвата. Затем, во имя общего блага союза, она ограничивает это право захвата, усиливаясь в отношении незанятых земель, а на следующей ступени развития налагает некоторое ограничение и на занятые земли, посягая на право собственности» (Там же: 114–115).

Эти ограничения начинаются с запрещения захвата без санкции общины (отводы), затем появляются частные экспроприации (незанятых земель), позже переходят ко все более детальному регулированию землепользования и, наконец, к полному переделу. Это относится прежде всего к черным волостям, однако первые переделы появились на частновладельческих землях, и здесь они имели серьезные особенности. «Эти переделы на владельческой земле существенно отличаются от переделов в свободных общинах, рассмотренных выше, и по своим основаниям и по своим целям. Там главное основание передела – земельное утеснение <..> здесь обыкновенно земельное утеснение не при чем; земли нередко есть большой запас. Здесь люди изнурены не малоземельем, а тяжестью налогов, и главная цель передела – достигнуть наиболее точного соответствия между налогами и трудовыми силами каждого. Там бедные ищут землю. Здесь бедные стремятся избавиться от земли» (Там же: 136). И в свободной общине уравнение податей – одна из целей передела, но там землю можно сдать в аренду, а крепостной сделать этого не может и потому земля сама по себе не имеет для него ценности.

Древнейшее известное Н. П. Павлову-Сильванскому свидетельство о переделе в Московском княжестве относилось к 1500 г., в XVII в. такие сведения учащаются, но лишь со второй половины XVIII в. можно говорить о господстве передельной общины в центральных областях. На окраинах (Украине, Дону, Кубани, Кавказе, на Севере и в Сибири) переход к переделам произошел значительно позже – в течение XIX в.

Эти мысли, появившись в печати в 1910 г., уже мало для кого были новыми. Они были широко известны, вошли в энциклопедии и т. п. Я не останавливаюсь здесь на работах А. Постникова, И. В. Лучицкого, В. Воронцова, А. И. Васильчикова, Н. В. Куплевасского, М. А. Дьяконова, К. Р. Качоровского, Ф. Щербины и многих других, но все они сыграли большую или меньшую роль в накоплении фактов и теоретическом осмыслении проблемы. И надо отметить, что все они не принадлежали к «государственной школе» и решительно критиковали точку зрения об «учреждении» общины указами правительства.

Русские марксисты конца XIX – начала XX в., в отличие от К. Маркса, пользовавшегося в основном народнической литературой, прекрасно понимали, что русская община – не «древняя». Г. В. Плеханов сделал два однотипных примечания ко второму изданию (1905) «Наших разногласий» (1885). «В то время не было еще окончательно установлено, что русская сельская община не имеет ничего общего с первобытным коммунизмом. Теперь это стоит вне сомнения» (Плеханов 1925: 116; см. также: 140).

У В. И. Ленина нет прямых высказываний о происхождении и истории русской общины, что связано, как мне кажется, с тем, что для него этот вопрос не являлся дискуссионным. Однако целый ряд замечаний Ленина, сделанных походя, позволяет с уверенностью заключить, что он относил создание современной ему русской общины к Средневековью и считал ее именно средневековым, феодальным, а не древним пережитком (Ленин 1965–1975: т. 1: 153, т. 4: 55–56, т. 16: 423, т. 17: 65, 91, 98–99, 170).

Советскими исследователями были забыты не только высказывания сакрализованного вождя, но и вся богатая литература, на которую он опирался. Труды русских ученых конца XIX – начала

XX в. не переиздавались. Распространялось пренебрежительное отношение к ним, оправданное тезисом о «кризисе буржуазной историографии». Взгляды на русскую общину, возобладавшие в конце XIX – начале XX в., не получили подробного историографического разбора, не опровергнуты фактически, а потому во многих отношениях остаются **последним словом** науки по этой проблеме.

Однако эти достижения российской науки в советский период были фактически отвергнуты. Методологический постулат, согласно которому сельская крестьянская община ведет свое происхождение с первобытности, несет в себе исконные демократические черты и имеет лишь один вектор развития (а именно – разложение), хотя нередко «сохраняется», не был поколеблен. Все накопленные до того данные о позднем возникновении земельных переделов (а ведь это и было главным аргументом в пользу «демократичности» и эгалитарности российской сельской общины) замалчивались. Такая ситуация объясняется, конечно, прежде всего тем, что отождествление «общинности» и первобытности преобладало и в западноевропейской науке, но главным образом тем, что на подобных позициях стояли К. Маркс и Ф. Энгельс, а траектория развития русской общины в эту концепцию не вписывалась.

Поэтому и нет фундаментальных советских исследований по истории русской общины. Нет ни одной монографии, посвященной истории общины на всем протяжении ее истории, да и статей чрезвычайно мало. Солидные монографии посвящены только позднему периоду, когда существование переделов вне сомнения, но их можно приписать «сохранению» общинного демократизма под уже укрепившейся барской властью. Вопрос о том, как возникли переделы, можно не затрагивать¹⁰. Или же, напротив, взять для изучения более ранний период, найти сведения о том, что некая общинная связь между самостоятельными хозяйствами существовала, и опять-таки уклониться от ответа на вопрос, когда возникли земельные переделы (Данилова 1994). При этом объявить дореволюционных историков «буржуазными учеными», а о концепции воз-

¹⁰ В качестве примеров: Новосельский 1929; Индова 1955; Коган 1960; Петрикеев 1967; Александров 1976.

никновения общины А. А. Кауфмана написать, что она «в целом ненаучна, а в политическом смысле и реакционна, ибо она защищала крупное помещичье землевладение» (Полтаранин 1977: 265; см. также с. 10 в этом же сборнике).

В обобщающих работах по истории России и российского крестьянства, где, казалось бы, никак нельзя обойтись без изложения концепции эволюции общины, до последнего времени этот вопрос также тщательно обходился. Например, в фундаментальной обобщающей монографии Б. Д. Грекова (1882–1953) «Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века» (Греков 1952) община после периода Киевской Руси вообще исчезает из изложения.

Неким этапом в освещении интересующего нас вопроса можно считать коллективный труд советских историков 1950-х гг. «Очерки истории СССР. Период феодализма». В нем с XIV по XVII в. существование общины лишь декларируется и ничего не говорится о том, какую форму она имела. В томе, посвященном XVII в., мы читаем: «По челобитьям отдельных крестьян владелец мог отдать распоряжение о переверстании земли, убавке тягла, представлении льготы, но не снимал ответственности с “мира” за то, чтобы “збавочное тягло впусте не было” и чтобы общая сумма повинностей не уменьшалась – “только бы из <...> денежного збору из окладу не убыло ничего”» (Очерки... 1955: 174). Следовательно, факты, на которых базировались в свое время Н. П. Павлов-Сильванский и другие, не отрицаются, но и не делается вывода о **возникновении** переверсток и переделов.

В I четверти XVIII в. «наделение помещичьих и монастырских крестьян землей и переверстка их земельных участков в небольших имениях осуществлялись самим феодалом или его приказчиком. В более крупных имениях в Великороссии мирская община принимала обычно участие в распределении и перераспределении надельной земли» (Там же: 158). И никакого вывода о возрастании роли мира и о самом распространении переверсток.

Наконец, в следующем томе находим формулировку, показывающую, что для авторов **ясны** те выводы, которые я делал за них выше: «Общинное землепользование, связанное с переделами полей через то или другое количество лет, было преобладающим

в центральной России **уже** (! – Л. А.) в половине XVIII в. Оно было здесь **давно** (давно – это когда? – Л. А.) установившимся фактом, и при том не у одних помещичьих крестьян, но и в государственных, дворцовых и монастырских волостях» (выделено мной. – Л. А.). «В барщинных имениях помещики обычно вмешивались в общинное пользование земель, предписывая часто ежегодные переделы. В оброчных имениях крестьяне в большей мере пользовались землей по своему усмотрению» (Очерки ... 1957: 63).

Следующий шаг в приближении понимания русской общины к реальности был сделан в коллективной монографии 1985–1986 гг. «История крестьянства в Европе». В главе «Крестьянство на Руси» в первом томе, написанной в свое время академиком Л. В. Черепниным (1905–1977), автор излагает схему развития общины, предложенную неким И. И. Ляпушкиным (общее землевладение – переделы земли – окончательный раздел земли между общинниками; все по Марксу), а затем добавляет: **«Для России это чисто умозрительное построение. Мы ничего не знаем о периодических земельных переделах, да и сомнительно, были ли они вообще»** (выделено мной. – Л. А.). К этой фразе редколлегия считает нужным сделать сноску-примечание: «Точка зрения Л. В. Черепнина подтверждается фактами: первый документально зафиксированный полный передел земель в дворцовой общине-волости относится ко второй четверти XVII в. Частичные переделы (поравнения) известны по источникам по крайней мере с начала XVII в. (ссылка на издания документов. – Л. А.). Не исключено, что поравнения вошли в практику в ряде областей страны еще ранее – с первой половины – середины XVI в.» (Удальцова 1985: 327). Поражает, что редакция сочла необходимым подкрепить мнение академика (который, правда, к тому времени умер), поскольку оно противоречило общепризнанной догме. И, конечно, крайне любопытно, что эта сноска фактически дословно повторяет вывод Н. П. Павлова-Сильванского, сделанный примерно 80 лет тому назад.

Во втором томе авторами главы о России названы Л. В. Черепнин и В. Д. Назаров. Видимо, изначальный текст Черепнина готовил к печати Назаров. Здесь об общине почти ничего не сказано. По интересующему нас вопросу сообщается только, что в XIV–

XVI вв. преобладала «починковая колонизация», «малодворные новые поселения (1–3 двора)», регулирование поземельных отношений происходило на основе «принципа потомственно-подворного владения усадьбой, пахотным наделом и частью угодий» (Она же: 253, 280). Понятно, что землевладение подворное, а не общинное. Но в этом случае почему «надел»? Кто наделяет? Как определяется размер «надела»? Ведь здесь же говорится, что все это происходило на основе «принципа первого трудового освоения», то есть методом захвата.

В главе, посвященной Руси XVI – середины XVII вв., написанной уже В. Д. Назаровым единолично, четко и ясно говорится: «С рубежа XVI–XVII вв. известны достаточно многочисленные факты частичных поравнений тягла и надела, во второй же четверти XVII в. появляются и первые уравнильные переделы». Указано также (в главе, посвященной проблеме общины во всей Европе), что границами общины были границы поместий (Удальцова 1986а: 451, 489)¹¹.

В третьем томе главу о российском крестьянстве писал В. А. Александров. Из нее совершенно ясно, что в XVI–XVIII вв. сельская община была «инкорпорирована в феодальную общественную систему», размеры сельских общин «стали определяться границами частнофеодальных владений», «положение сельской общины определялось нормами права, устанавливаемыми самими владельцами», оно «зависело от личных взглядов помещиков». «Общинная организация была превращена в придаток вотчинного управления». Подтверждается также то, что было известно о возникновении общины в Сибири и о переходе от долевого землевладения к уравнительному на Севере (Она же 1986б: 338–340, 343), о чем мы уже знаем по работам конца XIX – начала XX в.

Авторы вышедшей уже в период перестройки обобщающей работы («История крестьянства России») решили обойтись умолча-

¹¹ Это очень важно подчеркнуть. Я в данном случае из экономии места не привожу многочисленных материалов, свидетельствующих о том, что границы крепостной крестьянской общины являлись границами поместий и вотчин. Именно помещики сселяли крестьян из однодворных и других мелких поселений в деревни, где и учреждали общину. Это еще один серьезнейший факт, противоречащий идее об исконности той общины, которую мы наблюдаем в XVIII – начале XX в.

нием. Рассказав об общине в доисторические времена, когда о ней по сути ничего не известно (т. I); сообщив о верви в киевский период и о закреплении крестьянства в последующие века (т. II), они совершенно умалчивают проблемы общины в то время, когда она наиболее известна и изучена.

Таким образом, можно утверждать, что история общины в России в период Средневековья и раннего Нового времени явно не укладывается в схему постепенного ее разложения и вызревания частной собственности. И это достаточно известно в среде специалистов. Однако внятного изложения судьбы этого института не предлагается. Поэтому в профанной среде, включающей видных философов и политиков, все это неизвестно. Они продолжают ссылаться на исконный коллективизм российского крестьянства, который будто бы определяет ментальность русского человека.

* * *

Теперь вернемся к более общему вопросу: как следует рассмотрим сельскую общину, существовавшую во многих странах в Средние века и Новое время. Истоки наиболее распространенного в настоящее время взгляда лежат в первой половине XIX в., когда был создан и получил распространение «историко-сравнительный метод» и выступавший в качестве его дополнения **«метод переживаний»**.

Сравнивая институты разных народов или выделяя в праве одного народа более новые и древние черты, историки получили возможность судить о давно исчезнувших порядках. Маркс был на уровне науки своего времени, и потому придерживался такого взгляда. Для него «община» была несомненным первобытным институтом и пережитком первобытности в современном ему обществе.

Вслед за Гегелем Маркс был уверен, что страны Азии не вышли из состояния первобытности, которое он первоначально окрестил «азиатским способом производства»¹². Эта концепция опиралась на

¹² Я уже писал о том, чем был «азиатский способ производства» для К. Маркса, и приводил соответствующие цитаты (Алаев 2009: 211). Здесь нас интересует только его понимание института общины.

два «устоя» – восточная деспотия плюс община (по типу индийской). В рукописях он прямо отождествляет «азиатскую общину» с «первобытным коммунизмом» (Маркс, Энгельс 1955–1981: т. 26, III: 439). В его представлении общинный строй был исходным пунктом человеческой истории, и потому он должен был существовать и в Европе до возникновения античного общества с его рабовладением. При этом его представления о типах общин и, самое важное, о характере германской общины существенно менялись. Этого не учитывают те, кто пытается проанализировать взгляды Маркса на общину, объединяя его рукопись «Формы, предшествующие капиталистическому производству» (1857/58 гг.) и наброски письма В. Засулич (1881 г.).

В «Формах, предшествующих капиталистическому производству» он утверждает, что германская община была лишь «объединением», «самостоятельные субъекты которого являются собственниками земли», «община существует только во взаимных отношениях друг к другу по случаю войны, для отправления религиозного культа, разрешения тяжб и т. д.» (Там же, т. 46, I: 470, 472). Маркс при этом опирался на тогдашнюю немецкую историческую литературу, прежде всего на труды Георга Вайца (1813–1886). В набросках же письма к В. Засулич он исходит из того, что в Германии некогда существовала община с общим хозяйством, а затем община с переделами земли.

Из набросков письма также явствует, что Маркс объединял индийскую общину XIX в., русскую общину того же времени и германскую общину I–V вв. в единый тип, единую стадию развития, в «последний этап или последний период архаической формации», «новейший тип архаической общественной формации», «последнее слово архаической общественной формации» (Там же, т. 19: 493, 404, 418; см. также: т. 12: 713; т. 32: 158). В 1882 г. в Предисловии к русскому изданию «Манифеста коммунистической партии» Маркс и Энгельс пишут, что «русская община – эта, правда, сильно уже разрушенная форма первобытного общего владения землей» (Там же, т. 19: 305), то есть принимают за первобытную форму крепостную общину в центральной России XVII–XIX вв.

Эти взгляды сформировались под влиянием трудов Г. Л. Маурера (1790–1872) (Маурер 1880), основателя так называемой «марковой» или «общинной» теории возникновения феодализма в Германии. Маурер был своего рода аналогом российских славянофилов¹³. Подобно тому, как славянофилы искали элементарную клеточку «славянского духа», так Маурер хотел обнаружить начала «германского духа». Маркса же в его сочинениях заинтересовало совсем другое. 14 марта 1868 г. он пишет Энгельсу, что «штудировал <...> новейшие сочинения старика Маурера» и убедился, что «выдвинутая мной точка зрения о том, что азиатские или индийские формы собственности **повсюду в Европе** (выделено мной. – Л. А.) были первоначальными формами, получает здесь (хотя Маурер ничего об этом не знает) новое подтверждение» (Маркс, Энгельс 1955–1981, т. 32: 36).

«Один из типов, который принято называть *земледельческой общиной*, и являет собой *русская община*. Ее эквивалент на Западе – *германская община*, возникновение которой относится к весьма недавнему времени. Она еще не существовала в эпоху Юлия Цезаря и уже не существовала, когда германские племена покоряли Италию, Галлию, Испанию и т. д.» (Маркс, Энгельс 1955–1981, т. 19: 417). Причем он доходит до полного отрицания какой-либо важной специфики первой: «Русские тем самым окончательно теряют право притязать на оригинальность даже в этой области. То, что у них остается еще и сейчас, должно быть сведено к формам, давно отброшенным их соседями» (Там же, т. 32: 36). В русской общине, по мнению Маркса, «все абсолютно, *до мельчайших деталей*, тождественно с *древнегерманской общиной*» (Там же, т. 32: 158; см. также с. 541 там же). Конечно, вызывает смущение то, что Маркс, оказывается, знал «мельчайшие детали» устройства русской и германской общин, которые в то время были никому не известны, да и сейчас известны слабо.

После знакомства с работами Маурера у Маркса выстроилась стройная лестница общинных форм, которые он группирует в три основных:

¹³ Правильнее, конечно, считать русских славянофилов аналогами немецких «романтиков».

- 1) кровнородственная община, ведущая общее хозяйство;
- 2) «земледельческая» или «сельская» община, в которой дом и двор становятся частным владением земледельца, а пахотная земля периодически переделывается между членами общины, и, наконец,
- 3) «новая община» (марка), в которой «пахотная земля является частной собственностью земледельцев, в то время, как леса, пастбища, пустоши и проч. остаются еще *общей* собственностью». «Она на протяжении всего средневековья была единственным очагом свободы и народной жизни». Ее появление отмечается Марксом только у германцев. Русская, индийская и другие виды общин до этой стадии не дошли (Маркс, Энгельс 1955–1981, т. 19: 402, 413, 417, 418).

Понятно, что Маркс не мог не отреагировать на выводы «государственной школы», которые разрушали его концепцию. В письме к Н. Ф. Даниельсону 22 марта 1873 г. он просит сообщить ему подробно о взглядах Б. Н. Чичерина и высказывает следующее предварительное мнение: «Вопрос о пути, которым эта форма собственности (общинная. – Л. А.) образовалась (исторически) в России, является, конечно, второстепенным и не имеет ничего общего с вопросом о значении этого института. Однако немецкие реакционеры, вроде берлинского профессора А. Вагнера и др., используют это оружие, предоставленное в их распоряжение Чичериним. В то же время все исторические аналогии говорят против Чичерина. Как могло случиться, что в России этот институт был введен просто как фискальная мера, как сопутствующее явление крепостничества, тогда как во всех других странах этот же самый институт возник естественным путем и представлял собой необходимую фазу развития свободных народов?» (Там же, т. 33: 482).

В таких условиях пришлось работать советским историкам России. Нужно было все выводы согласовывать с общинной «триадой» Маркса, а также считать, что «общинная теория» Маурера – это «одно из достижений буржуазной историографии 19 в.» (СИЭ 1967: 425; БСЭ 1974: 256). Выше мы уже видели, как справлялись с этой задачей советские русисты. Но германская община в мауреровско-марксовом понимании продолжала, как туча, висеть над всеми советскими исследователями этого вопроса. Очень тонко

и остроумно подметил эту ситуацию А. Л. Шапиро: «Как видим, в историографии сложилось парадоксальное положение, когда историки Западной Европы восполняют недостаток сведений об уравнивательных переделах, привлекая без достаточных оснований позднейший русский материал, а историки СССР восполняют отсутствие сведений о переделах в древней Руси, привлекая без достаточных оснований материал западноевропейский» (Шапиро 1976: 46).

Часто в литературе встречается утверждение, что Маурер «восстановил», «реконструировал» древнюю германскую общину-марку. Но древнюю общину он реконструировать не мог, потому что не имел для этого достаточного материала. Как обстоит дело с фактической стороной так называемой «общинной теории»? Он опирался на три, как ему казалось, прочных свидетельства: 1) упоминания в трудах Юлия Цезаря и Тацита об отсутствии частной собственности на землю среди германских племен и о переделах земли, 2) сохранившиеся до XIX в. долевые переделы в Рейнской области (так называемые *гехёфершафтен*) и 3) кое-где прослеживаемые старые межи, нарезающие равные участки земли. Все эти опоры оказались обманчивыми.

Сомнение в том, что Тацит говорит о переделах земли, высказанное Ковалевским и поддержанное Энгельсом (Маркс, Энгельс 1955–1981, т. 21: 140), стало теперь общепризнанным.

Общины с переделами земли, наблюдавшиеся в XVIII–XIX вв. в Рейнской области (*гехёфершафтен*), как оказалось, не имеют никакого отношения к древности. Как доказал К. Лампрехт, они возникли не ранее XIII в. на землях, выделенных феодалами для «новопоселенцев». «Лампрехтовская трактовка происхождения трирских подворных общин была постепенно признана большинством историков», – пишет ученый, как раз отстаивавший «общинную теорию» (Данилов 1958: 188). Кроме того, передел в *гехёфершафтен* был долевым, то есть основанным на частном праве на долю в земле и других угодьях (как на российском Севере), то есть, строго говоря, не переделом, а обменом участками без изменения их величины.

Наконец, равенство участков общинников, прослеживаемое по старым межам в XIX в., не могло быть наследием первых веков н. э. Это были следы процесса, шедшего во многих странах Европы

в Средние века – упорядочения податей и соответственно крестьянского землепользования в феодальных владениях. Система равновеликих крестьянских участков создается в период развитого феодализма повсюду – *вить*, *обжа* в России; *манс*, *гуфа* в Германии, *виргата* в Англии и т. д. Размер их диктовался как возможностями крестьянского хозяйства, так и интересами феодальной эксплуатации. Крестьянская семья могла наделяться одним таким участком или его половиной, четвертью и т. д. – и несла соответствующую долю податей. Наделение могло производиться общиной (маркой, как мы привыкли ее называть¹⁴), но оно было в интересах прежде всего владельцев феодалов и маноров, а не самих крестьян. Это был аналог подушевого наделения земель помещичьих крестьян в России.

Немецкие историки конца XIX – начала XX в. А. Гальман-Блюменшток, Р. Гильдебрант, В. Виттих, Ф. Гутман, К. Рюбель критиковали общинную теорию с разных теоретических, но сходных методических позиций. Все они выступали за преимущественное внимание к фактам, против искусственных логических конструкций, за осторожное использование метода сравнений и т. п.

В начале XX в. стремление детально разобраться в истории общины в период Средних веков породило серию монографий Ф. Варрентрапа, Г. Шотте, Т. Ильгена, К. Лампрехта по истории аграрного строя в отдельных областях Германии. Эти работы наиболее богаты материалом. Они окончательно установили, что критики общинной теории были в целом правы.

Представители немецкой историографии конца XIX – начала XX в. пришли, несмотря на сохранение разных точек зрения, к выводу, что раннесредневековая община в Германии была слабой, аморфной, плохо прослеживаемой организацией. Лишь около XII в. община-марка полностью развивается, создаются характерные для нее сервитуты, принудительный севооборот, чересполосица, система открытых полей и т. п. Благодаря этим работам было серьезно подорвано мнение о непосредственном происхождении марки от первобытной общины.

¹⁴ На самом деле она так не называлась.

Но в нашей стране результаты этой исследовательской работы не нашли отклика, потому что за «общинной теорией» и Маурером стояли Маркс и Энгельс, опровергать которых было не принято. Всякая попытка указать на позднее происхождение общинных порядков вызывало обвинение в «апологетике частной собственности».

Обратимся к монографии А. И. Неусыхина (1898–1969), которая считается у нас классической в изучении истории крестьянства и общины в Германии в Средние века, и посмотрим, какие методы использовались в то время для обоснования концепции, не имеющей фактологической основы.

А. И. Неусыхин берет за основу исследования схему развития общин, выдвинутую Марксом в черновиках письма к В. Засулич, однако вынужден внести в нее ряд изменений. Единый тип передельной общины, которую Неусыхин называет «земледельческой», он делит на два этапа. Первый из них, в соответствии с определением Маркса, характеризуется переделами земли. На втором этапе, по Неусыхину, переделы земли прекращаются; наряду с патриархальной семьей все большее значение приобретает индивидуальная семья; появляется право наследования недвижимости (но еще только сыновьями). При этом автор дважды честно признается, что о первом этапе, когда должны были быть переделы, он ничего не знает: «Никаких следов этих переделов нет уже в Салической правде» (Неусыхин 1956: 103); «Уравнительные переделы пахоты и лугов уже прекратились (на них в Правде нет ни одного намека)» (Там же: 89). Последнее заявление особенно поразительно. Автор **знает**, какие были переделы (уравнительные) и **что именно** делилось (пахота и луга), хотя не имеет на все это **ни одного намека**.

Далее, согласно схеме Неусыхина, должен наступить этап «земледельческой общины» без переделов, но с общинной собственностью на землю. Доказательствами общинной собственности служат **отсутствие** в Салической правде упоминаний о продаже земли и о существовании завещаний, а также **умолчание** по поводу того, кому переходила земля после смерти хозяина, не имевшего сыновей. «Само собой разумелось, что он (участок. – Л. А.) переходил к сородичам» (Там же: 115). Таким образом, отсутствие дан-

ных восполняется **мнением** исследователя. Казалось бы, ясно, что отсутствие признаков частной собственности не свидетельствует о наличии общинной. Если у частных владельцев нет права распоряжения землей, то еще требует доказательства, что община имела эти права.

По словам Неусыхина, «конкретным выражением» собственности деревни на всю свою территорию служило «право каждого жителя деревни участвовать в разрешении или запрещении доступа в виллу нового поселенца» (Неусыхин 1956: 124). Как же реализовалось это право? Новоприходец может поселиться в вилле и обрабатывать землю, если никто не возражает против этого, а если **ни один человек** не выступит с протестом в течение года и одного дня, пришельца изгнать уже нельзя и он получает все права жителя деревни (Там же: 88–89). Как видим, не община как коллектив принимает или отвергает поселенца, а некий индивидуум. Это говорит скорее о слабости и неразвитости общинного духа, об отсутствии представления о вилле и ее угодьях как о едином целом. Кстати, речь в данном случае (Салическая правда XLV: 1–3) идет не о деревне, а о вилле в значении отдельного дома.

То, что схема эволюции германской общины по Неусыхину не имеет твердого фактического обоснования, стало ясно советским медиевистам довольно давно. Но магия имени А. И. Неусыхина (учителя многих из медиевистов того времени) и марксистское понимание общины как первобытного института не позволили сказать об этом открытым текстом. В коллективной монографии «История крестьянства в Европе» редколлегия сохранила в первом томе главу, написанную А. И. Неусыхиным задолго до публикации, где излагалась, естественно, его концепция. Но редколлегия сочла необходимым предварить эту главу другой, написанной А. Я. Гуревичем, в которой была изложена альтернативная точка зрения. В одной книге оказались рядом две главы, излагающие совершенно по-разному одну и ту же проблему.

А. Я. Гуревич обращает внимание на то, что римские источники, касающиеся социального устройства германцев («Записки» Цезаря и «Германия» Тацита), не могут служить надежными источниками беспристрастных сведений, что они противоречат археологи-

ческим данным. Эти последние свидетельствуют, что германские племена вели оседлый образ жизни, занимались главным образом земледелием и стойловым животноводством, жили чаще всего в хуторах, состоявших из нескольких семей или даже в отдельных усадьбах, имели постоянные права на определенный участок земли. Никаких следов переделов земли в ранних источниках нет. И в период Меровингов тоже «германская община <...> представляла собой пока еще рыхлую и слабо оформленную организацию, если сравнивать ее с общиной классического и позднего средневековья» (Удальцова 1985: 131, см. также с. 97–104).

Во втором томе, посвященном X–XVI вв., есть две главы о немецком крестьянстве. В одной из них упомянута «община-марка», ей посвящено несколько общих фраз, но больше о ней ничего не сказано: ни о наделах, ни о принудительном севообороте, ни о системе «открытых полей» – институтах, которые обычно приводятся как свидетельство общинной собственности на землю (Она же 1986а: 174). Правда, эти институты упомянуты в специальной главе, посвященной крестьянской общине (Там же: 477). Более того, здесь говорится, что она «оформилась как административно-правовой институт» именно «на первом этапе» развитого феодализма», то есть, по периодизации авторов проекта, в X–XIII вв. Отнюдь не раньше. Ее первобытное происхождение нигде не педалируется. В параграфах, посвященных отдельным странам, в этой главе уточняется, что общины в Северной и Центральной Франции «конституировались» в XII–XIII вв. (Там же: 483), в Северной и Средней Италии – в XI–XII вв. (Там же: 485).

Но результаты исследовательской работы отечественных медиевистов не доходят до научной и иной общественности. В учебном пособии, изданном в 2012 г. и предназначенном для бакалавриата, снова излагается версия Маурера – Маркса – Энгельса – Нусыхина: «Во времена Цезаря германцы жили так называемыми кровнородственными общинами», а во времена Тацита «германцы перешли к новой форме общины, которая получила в науке название земледельческой». Автор «учитывает» последние выводы науки («Свидетельства Цезаря опровергаются археологическими данными»), однако тут же их дискредитирует («Едва ли допустимо

ставить под сомнение слова Цезаря») (Колесник 2012: 19, 20). Таким образом, историографический спор по поводу возникновения германской общины продолжается. И если студентов будут учить по-прежнему, то надежд на освещение этого вопроса на основе фактических данных не останется.

* * *

Мы постарались разомкнуть «закольцованную» проблему (Германия доказывает существование общины в раннесредневековой России, а Россия доказывает существование общины в ранне-средневековой Германии) и показать, что концепция первобытного происхождения крестьянской общины и ее неуклонного разложения в Средние века не имеет фактической основы, является результатом логических размышлений и построений.

Каждая страна и община в ней имеют свою историю. Община может разрушаться, исчезать, возрождаться, укрепляться и т. п. в зависимости от исторических условий, в которые поставлена. Она бывает нужна крестьянам, чтобы выжить, и помещикам, в сущности, для той же цели. Никакому нормальному помещику не хочется, чтобы его крестьяне умирали или разбежались. А еще она бывает нужна государству, чтобы организовать и упорядочить сбор налогов и податей. Земельные переделы бывают разного типа, они появляются там и тогда, когда в них возникает нужда. При этом нет **ни одного примера** коллективного хозяйства или переделов земли на этапе ранней земледельческой общины¹⁵.

Все это определяет траекторию эволюции общины. Она сама со временем начинает многое определять. Если крестьян 300 лет держать в крепостном состоянии без права собственности и без права владения на конкретный участок земли, а потом, освободив от крепостничества, опять не дать им свободы распоряжаться землей и законодательно закрепить общину, а затем снова отобрать землю, угнать хозяйственных мужиков в Сибирь и превратить крестьян в колхозников, то очень возможно в результате получить человека,

¹⁵ Опираюсь на авторитет Ю. И. Семенова, знания которого по проблемам первобытных и раннеклассовых обществ энциклопедичны (см.: Семенов 1979: 75–81; 1993: 411–412).

не стремящегося к частной собственности и преисполненного «общинностью».

Возникает еще один вопрос: допустимо ли называть одним словом («община») совершенно разные по функциям институты. Но против устоявшегося словоупотребления идти трудно.

Литература

Алаев, Л. Б. 2009. Всеобщая история от Леонида Сергеевича. *Восток* 2: 209–220.

Александров, В. А. 1976. *Сельская община в России (XVII – начало XIX в.)*. М.: Наука.

БСЭ – Большая советская энциклопедия. Т. 18. М.: Советская энциклопедия, 1974.

Горский, А. А., Кучкин, В. А., Лукин, П. В., Стефанович, П. С. 2008. *Древняя Русь: очерки политического и социального строя*. М.: Индрик.

Греков, Б. Д. 1952. *Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века*. Кн. I–II. М.

Данилов, А. И. 1958. *Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии конца XIX – начала XX в.* М.

Данилова, Л. В. 1994. *Сельская община в средневековой Руси*. М.

Ефименко, А. Я. 1884. *Исследования народной жизни*. Вып. 1. *Обычное право*. М.

Индова, Е. И. 1955. *Крепостное хозяйство в начале XIX века. По материалам вотчинного архива Воронцовых*. М.

Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России барона Августа Гакстгаузена. Т. 1. М., 1870.

Удальцова, З. В. (гл. ред.)

1985. *История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма*. Т. 1. *Формирование феодально-зависимого крестьянства*. М.: Наука.

1986а. *История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма*. Т. 2. *Крестьянство Европы в период развитого феодализма*. М.: Наука.

1986б. *История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма*. Т. 3. *Крестьянство Европы в период разложения феодализма и зарождения капиталистических отношений*. М.: Наука.

История крестьянства в России. С древнейших времен до 1917 г. Т. I–III. М.: Наука, 1987–1993.

Кауфман, А. 1907. К вопросу о происхождении русской земельной общины. *Русская мысль* 10, 11, 12.

Кауфман, А. А. 2011. *Русская община в процессе ее зарождения и роста.* 2-е изд. М.: ЛИБРОКОМ.

Ковалевский, М. М. 1939. *Очерк происхождения семьи и собственности.* М.

Коган, Э. С. 1960. *Очерки истории крепостного хозяйства по материалам вотчин Куракиных второй половины XVIII века.* М.

Колесник, В. И. 2012. *История западноевропейского Средневековья:* уч. пособ. Ростов н/Д.: Феникс.

Ленин, В. И. 1965–1975. *Полное собрание сочинений.* 5-е изд. М.: Изд-во полит. лит-ры.

Маркс, К., Энгельс, Ф. 1955–1981. *Сочинения.* 2-е изд.: в 50 т. М.: Госполитиздат.

Маурер, Г. Л. 1880. *Ведение в историю общинного, подворного, сельского и городского устройства и общественной власти.* М.

Милюков, П. Н. 1900. *Очерки по истории русской культуры.* 4-е изд. СПб.

Неусыхин, А. И. 1956. *Возникновение зависимого крестьянства как класса феодального общества в Западной Европе VI–VIII вв.* М.

Новосельский, А. А. 1929. *Вотчинник и его хозяйство в XVII веке.* М.; Л.

Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I. М., 1954.

Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955.

Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII в. Народы СССР в первой половине XVIII в. М., 1957.

Павлов-Сильванский, Н. П.

1910. *Феодализм в удельной Руси.* СПб.

1988. *Феодализм в России.* М.: Наука.

Петрикеев, Д. И. 1967. *Крупное крепостное хозяйство XVII в. (по материалам вотчины боярина В. И. Морозова).* Л.

Плеханов, Г. В. 1925. *Сочинения*. Т. II. Л.; М.

Полтаранин, И. А. 1977. Проблема общины в трудах А. А. Кауфмана. *Крестьянская община в Сибири XVII – начала XX в.* Новосибирск: Наука, Сибирское отделение.

Семенов, Ю. И.

1979. О стадийной типологии общины. *Проблемы типологии в этнографии*. М.

1993. *Экономическая этнология. Первобытное и раннее классовое общество*. Ч. II. М.: ИЭА РАН.

СИЭ – Советская историческая энциклопедия. Т. 10. М.: Советская энциклопедия, 1967.

Соколовский, А. Н. 1877. *Очерк истории сельской общины на севере России*. СПб.

Чичерин, Б. Н. 1856. *Обзор исторического развития сельской общины в России*. М.

Чичерин, Б. 1858. *Опыты по истории русского права*. М.

Шапиро, А. Л. 1976. Проблемы генезиса и характера русской общины в свете новых изысканий советских историков. *Ежегодник по аграрной истории*. Вып. VI. *Проблемы истории русской общины*. Вологда.